

Купер Юрий

23.04.04

Газета - СТ2

23 апреля, пятница, 2004, #71 (607)

колонка
Сергея
Сафонова

опять двойка

ЧТО СЧИТАТЬ УСПЕХОМ

На этой неделе закрылась московская выставка Юрия Купера, устроенная международной компанией London Contemporary Art. Встречать бывших соотечественников радостными ритуальными плясками — давняя российская традиция, не всегда адекватно воплощающая суть отношений страны и человека, ее покинувшего.

Однако сейчас в виде выставки маячила перспектива знакомства с художником, не только связанным с легендарной эпохой советских шестидесятых и обосновавшимся за границей, но с вполне успешным персонажем мирового масштаба. Во всяком случае, в повсеместно размещенных анонсах можно было прочесть, что Купер «знаменитый и богатый художник и при этом — гений». Согласитесь, довольно редкое по своей категоричности определение. Такого не услышишь даже о Церетели.

Убедившись в том, что его имя есть в неведомо кем составленных списках, корреспондента **Газеты** пропустили на вернисаж. В пустоватых пока залах толклись, ревностно разглядывая произведения, несколько довольно известных московских живописцев. Судя по прежним каталогам — а одна из последних выставок «обладателя изысканного замка в Нормандии и оцененной в пять миллионов долларов мастерской в Нью-Йорке» состоялась в 1995 году в Музее личных коллекций, — по рассказам общих знакомых, художника всегда привлекала романтика, если так можно выразиться, пыльных углов. Облупившиеся поверхности стен, одинокие предметы: пилы, коробочки, чайники, забитые окна. Одиночество заброшенных вещей — плодотворная тема для автора, не склонного порывать с изображением материального мира и в то же время стремящегося избежать чересчур очевидной литературной основы своих работ.

Беда в том, что новые произведения мастера — и в этом догадки корреспондента **Газеты** подтвердило жюри, стихийно сформировавшееся из зрителей-профессионалов, неосмотрительно допущенных на вернисаж, — выполнены индустриальным способом. Перед публикой представили распечатки, вручную доведенные до своего окончательного вида. Никаких тебе самоценных офортов, литографий, акварелей, перечисленных в каталоге недавней выставки в МЛК, — только «смешанная техника». Причем если экспонаты первого этажа более или менее стара-

тельно имитировали живопись и прятали тиражную составляющую в глубь изображения, то вторая — и наиболее обширная — часть предложенной на обозрение коллекции была изготовлена по одним и тем же лекалам: банально-романтические фотографические виды (неважно, Большого театра или венецианских мостов) припорошены чем-то вроде аэрозольного искусственного снега.

Грустное это зрелище. Идешь на выставку, собираешься взять интервью у успешного художника мирового масштаба... Можно, конечно, было заглянуть в разложенные на столике буклеты и утешиться тем, что «оригинальные принты» в корне отличаются от «репродукций». Что их ценность год от года растет. Что по американским законам выпуск неучтенных экземпляров карается семью годами тюрьмы — только качество продукта лучше от этого не становится.

Невыскательная московская публика, не так давно смотревшая, например, разрекламированную выставку литографий Сальвадора Дали (не путать с нынешней экспозицией его офортов в ГМИИ), должна бы знать, что никаких авторских литографий этого самого Дали просто не существует. А выполнены изображения сугубо индустриальным образом и продаются туристам в магазинах. Это я к тому, что отечественные представления об искусстве, арт-рынке и даже просто приличиях сегодня все еще очень запутанны. Что магия где-то слышанного имени автора, слух о его состоятельности — творческой или материальной — и тому подобные вещи способны претвориться в ощущение чужого успеха, когда место имеет очевидный провал. По большому счету серьезным достижением настоящего художника можно ведь считать только хорошие работы, по-настоящему выстраданные в результате многодневных усилий.

К счастью, выставки таких художников тоже случаются — вот, например, экспозиция живописи Екатерины Григорьевой, только что открывшаяся в редакции «Нашего наследия» при поддержке канадского Фонда гендерного равенства. Нет, я не хочу сказать, что совсем уж не стоило ходить на Купера, а нужно бы только в маленький редакционный зальчик. Там ведь и фуршета такого роскошного не было, и узнаваемых адвокатов-певцов-режиссеров для массовости не мобилизовали. У Григорьевой нет ни единого замка, а только мастерская — и то неизвестно, не отнимут ли. Зато есть ясное понимание того, что такое цвет, освещенность, колорит. Что надо публично показывать только те работы, за которые отвечаешь. Это очень недооцененный художник — но самой Григорьевой это почти все равно: очень уж интересуют ее то, что происходит на ее холстах. Кстати, они не более и не менее социальны, чем у Купера: какие-то увиденные на улицах тетки, провинциальная архитектура, фарфоровые небеса. Екатерина Евгеньевна этого не любит, но я все же процитирую под навес ее подругу Людмилу Петрушевскую — это из статьи об одной из предыдущих григорьевских экспозиций. Тем более слова относятся не только к упомянутому персонажу: «а) быть знаменитым не только некрасиво, но и вредно для художника; б) какое счастье, что дали рисовать в тишине столько лет, не затаскали по миру, не орала вокруг, не записали в женское искусство, оставили на свободе; в) да и не всякий-то человек поддается, некоторые прячут наработанное и в мастерскую к себе не очень пускают; г) мы современники, наконец-то, Екатерины Григорьевой».

Сходите на хорошую выставку — она будет открыта до седьмого мая.

159